

Пролог

*Данверс-Холл
1818 год*

Немного найдется людей, после грандиозного скандала изгнанных из высшего общества, чья репутация была растоптана, но потом сумевших вернуться в свет, где их встретили с распростертыми объятиями. Именно это и случилось со мной.

После вновь обретенного расположения бомонда я каждый день получал горячие просьбы рассказать о моих опасных приключениях...

Должен честно признаться, что я поведал моим жаждущим слушателям хорошо продуманную версию, изобилующую опасностями, безрассудными поступками и победами, одержанными над противником. И всем им я лгал, так как на самом деле это была история моей любви.

Если бы я рассказывал правду, то угостил бы их перечислением героических подвигов моей невероятной, восхитительной Джорджи, моей дорогой и очаровательной Киприды, которая за одну ночь страсти похитила мое сердце и спасла свою страну.

Колин, барон Данверс.

Глава 1

Лондон
1799 год

— Принимая во внимание документы и свидетельства, представленные суду, я вынужден, капитан Данверс, освободить вас от всех обязанностей во флоте его величества. — С этими словами командующий флотом ударил молотком по судейскому столу, словно забивая последний гвоздь в гроб. Затем наступила оглушительная тишина.

Переполненный зал суда стал свидетелем крушения одной из самых блестящих карьер во флоте, соперничавшей, как полагали некоторые, с карьерой самого адмирала Нельсона.

Многие сомневались, увидят ли они еще когда-нибудь столь стремительное и сокрушительное падение. В зале не было ни одного человека — морского офицера или простого матроса, который не вознес бы благодарственную молитву Богу за то, что это произошло не с ним и не его жизнь и благополучие были брошены на дно ледяной Атлантики.

Большинство мужчин, собравшихся в зале, занимали высокие посты и были связаны законами чести, морскими традициями и неписаным этикетом, которые грубо нарушил капитан Колин Данверс. Никто не смог бы оспорить ужасных доказательств его предательства и двуличности. Даже адмирал Нельсон, твердая опора и многолетний наставник подсудимого, столкнувшись

с неоспоримыми фактами, не представил свидетельств невиновности капитана.

Итак, будущее для капитана Данверса, сиявшее как Полярная звезда, сейчас выглядело угрюмым и мрачным, словно лондонский туман: увольнение из флота и лишение всех наградных денег — суммы, которая вызывала зависть многих его сослуживцев.

Это был момент, достойный гробового молчания.

Что же до самого капитана Данверса, то он стоял перед советом Адмиралтейства выпрямившись, будто проглотил линейку, и широко расправив плечи. И хотя его изгнали, в его взгляде, обращенном к судьям, горели те же необузданность и непокорность, что и были причиной его падения.

— Это все, милорды? — имел он наглость поинтересоваться.

Командующий флотом взвился, и его усы задрожали от гнева.

— Считайте, вам повезло, что вас не вздернули на рее, вы, наглый щенок.

Некоторые закивали головами в знак согласия. И, правда, будь на его месте кто-то другой, он давно болтался бы в петле. Но семейные связи подсудимого в высших кругах не позволили этому случиться.

Хотя Данверс и был предателем-ублюдком, недавно он унаследовал от своего отца титул барона. К тому же дедушкой капитана по материнской линии был не кто иной, как герцог Сечфилд, человек, которому редко кто отваживался перечить.

Нет, адмиралтейский совет не мог повесить капитана Данверса, но вынесенное ему наказание было весьма впечатляющим.

«У человека отобрали море, лишили светского общества и жизни среди себе подобных. Его выбросили на сушу и низвергли в ад презрения и насмешек».

Свисток в глубине зала суда оповестил об окончании заседания, и трое судей дружно поднялись со своих мест. Данверс отвесил им вежливый поклон. Затем, словно ему только что доверили командование целым флотом, круто повернулся и с высоко поднятой головой направился к двери. Толпа расступилась, и он остался один в проходе. От него прятали глаза и перешептывались за спиной; некоторые демонстративно отворачивались. Однако он уходил, не замечая всего этого. «Проклятье», — произнес старый капитан несколько часов спустя в одном из офицерских клубов, вспоминая прощальную сцену, — он покинул зал улыбаясь, словно был самим Сатаной.

Джорджиана Аскот стояла перед дверью столовой своего дяди, собираясь с силами для неизбежной неприятной встречи. Письмо, зажатое у нее в руке и содержащее очередное оскорбление, нанесенное ей безразличными к ее судьбе родственниками, стало последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. «Если бы только миссис Тафт не умерла!» — подумала она. Тогда они с сестрой по-прежнему жили бы в доме этой леди в Пензансе, куда равнодушный и скупой дядя передал их на воспитание одиннадцать лет назад после смерти родителей.

В то время дядюшке Финеасу и дела не было до осиротевших племянниц, непонятно только, почему он так засуетился теперь.

Но если и стоило кого винить в этой суматохе, так это священника, решила Джорджи.

Она не оказалась бы здесь, если бы этот праведник не был потрясен мыслью, что после безвременной кончины миссис Тафт сестры останутся одни в маленьком доме, и не взял на себя труд написать дяде.

К тому же, знай приходской священник правду о прошлом миссис Тафт, ни он, ни его жена никогда бы не посетили эту леди в ее доме и уж тем более не считали бы ее одной из самых достойных прихожанок.

Ох уж эти мужчины! Они устраивают жизнь женщин, даже не удосужившись принести извинения за это, подумала про себя Джорджи, шагая взад и вперед. Нет, она не собирается мириться с этим. И тем более с тем, о чем говорилось в письме, подумала девушка. Выйти замуж за человека, который вчетверо старше ее! И к тому же слывет первейшим распутником в Лондоне!

К счастью для Джорджи, старый друг их семьи леди Финч детально описала самые дикие слухи, ходившие в высшем свете относительно ее неизбежной помолвки с лордом Харрисом. Зная дядюшку Финеаса, Джорджи почти не сомневалась, что, скорее всего, тот сообщит ей о свадьбе лишь перед тем, как нужно будет одеваться к церемонии.

Но главное заключалось в том, что ее суженый уже похоронил девять жен.

У Джорджи не было намерения стать десятой. Она выпрямилась и, исполненная решимости, вошла в столовую, даже не постучав. Миссис Тафт всегда говорила, что надо встречать опасность смело и решительно.

Правда, она всегда добавляла, что неожиданность и хитрость — неотъемлемые атрибуты женской тактики, когда имеешь дело с самым жутким животным — мужчиной.

И эпитет «жуткий» прекрасно характеризовал дядю Финеаса.

— Дядя, я должна поговорить с вами. — Дядя поперхнулся супом при столь несвоевременном появлении в столовой старшей племянницы.

— Что, черт побери, тебе от меня надо? — поинтересовался Финеас Аскот, виконт Брокет, когда наконец откашлялся и пришел в себя.

Джорджи решила не отступать:

— Что означает новость о моей свадьбе?

Дядя бросил сердитый взгляд на жену. Леди Брокет затрясла головой, отчего ее кудряшки запрыгали в знак тревоги и отрицания своей вины.

— Я ничего не говорила девочке, Финеас, ни словечка.

— Тетя Верена не имеет к этому никакого отношения, дядя. — Джорджи не очень-то любила свою эгоистичную тетю, но не могла допустить, чтобы дядя третировал из-за нее жену. — Час назад я получила это письмо от леди Финч. Она утверждает, что ей доподлинно известно о моем скором замужестве.

— Как это письмо попало к тебе? — требовательно спросил дядя. — Я отдал распоряжение, чтобы все ее письма... — Он замолчал, почти признавшись, что приказал перехватывать личную корреспонденцию девушек, и тут же перенес всю вину на Джорджи: — Итак, моя племянница — воровка! Мелкий воришка у меня в доме!..

— Дядя, оставьте в покое леди Финч, — попросила Джорджи, не желая раскрывать, как к ней попало письмо. — Отвечайте. Я должна выйти замуж?

Лорд Брокет гневно зашипел, затем, вытерев подбородок салфеткой, ответил, не скрывая своего нетерпения:

— Да. И я не собираюсь выслушивать то, что изрежет по этому поводу твой дерзкий язычок. Все бумаги были подписаны сегодня днем, осталось лишь объявить о предстоящем бракосочетании.

Джорджи вздрогнула от гнева и испытала неодолимое желание бросить ему в лицо слова, которых он, вероятно, никогда и не слышал, но определенно заслуживал. Однако она твердо решила следовать своему намерению держать себя в руках.

— Леди Финч правильно известила меня, что мой суженый — лорд Харрис?

Дядя Финеас вновь бросил на жену обвиняющий взгляд. Кудряшки снова запрыгали в знак отрицания.

— Я ни словом не обмолвилась, дорогой, — произнесла тетя Верена. — Клянусь тебе.

Казалось, это не убедило дядю Финеаса. Он отпил глоток вина и жестко взглянул на Джорджи.

— Ты должна считать, что тебе повезло, — сказал он. — Ты станешь графиней. Хотя, на мой взгляд, ты не заслуживаешь этого.

— Мне наплевать, стану я графиней или нет, — ответила девушка. — Тем более если это означает выйти замуж за дряхлого негодяя, который так стар, что мог бы быть моим прадедушкой.

— Вот тебе на! — Дядя Финеас бросил на нее взгляд, в котором читалось, что она — самое глупое из созданий, когда-либо живших на земле. — Неужели ты не понимаешь, что это тебе во благо. Я признаю, что Харрис стар, но у него нет детей, зато есть несколько прекрасных поместий, не закрепленных ни за кем из наследников. Они будут твоими, как только он отправится в мир иной. Скорее всего, это случится уже в этом году — либо от болезни, либо от твоего острого язычка.

Он грубо засмеялся, что заставило Джорджи крепче сжать зубы, чтобы удержаться и не стукнуть его по голове серебряным подносом.

— Я ни за что не выйду за него замуж, дядя. — Джорджи глубоко вздохнула. — Леди Финч пишет, что он требует... требует... — Она никогда не могла понять, почему в свете все пытаются смягчить неудобные слова, и уж тем более не собиралась следовать этому правилу сейчас, когда на карту была поставлена ее жизнь. — Черт возьми! Требуется медицинского освидетельствования, прежде чем мы поженимся.

Дядя Финеас заморгал, делая вид, что не понимает, о чем идет речь, поэтому Джорджи решила назвать все своими именами:

— Обследования меня доктором, чтобы удостовериться, что я девственница.

Ее слова чуть не повергли тетю в обморок, а дядя побагровел при открытом упоминании столь щекотливой темы.

— У тебя что, совсем нет совести, девочка? — Он подкрепился глотком вина. — Хотя чего ожидать, принимая во внимание, что тебя воспитала эта старая греховодница.

— Женщина, которую вы сами наняли, дядя, — уточнила Джорджи. — И которой платили гроши за эту привилегию.

— Чуть, — сказал он, отмечая ее замечание негодующим взмахом салфетки. — Ты выйдешь замуж за Харриса, и больше ни слова об этом. Теперь отправляйся в свою комнату и позволь нам мирно закончить обед. Но Джорджи не отступала:

— Как вы можете одобрять подобный выбор? Не говоря уж об этом ужасном обследовании? — Все мужчины из рода Харрисов всегда требовали, чтобы их невесты были девственницами, но нынешний немного переусердствовал в этом. — Дядя Финеас сделал еще один глоток вина. — Очевидно, последняя леди Харрис не была так непорочна, как уверяла ее семья. Поэтому на сей раз лорд Харрис действует наверняка. Он потребовал включить подтверждение этого в брачный контракт. И точка. Я не желаю ничего больше слышать. Его доктор придет сюда завтра, и ты ничего не можешь поделать с этим. Ты подвергнешься этому... этому... этому обследованию, — наконец закончил он, — даже если придется призвать всех слуг, чтобы держать тебя.

Завтра? Так скоро?

Колени у Джорджи задрожали, а в желудке все перевернулось. Она подумала, что ее сейчас стошнит прямо здесь, на лучший турецкий ковер тети Верены. Но это будет неэтично и определенно ничем не поможет ей. Поэтому она собралась с силами и попыталась придумать что-то. Они с Кит могли бы убежать. Скрыться из города.

Но как? У них не было ни денег, ни родных, которые могли бы приютить их, им некуда было идти. И не было такого места, где их не нашел бы дядя Финеас.

Джорджи покачала головой:

— Как вы можете так поступать со мной, вашей племянницей?

Прежде чем дядя успел ответить, в разговор вмешалась его жена:

— Это дело рук не твоего дяди, Жоржетта. Твой опекун счел этот шаг весьма выгодным. Все, что сделал твой дядя, — это оказал тебе честь, найдя подходящего мужа.

— Мой опекун? — Джорджи пристально посмотрела на свою рассеянную тетку, которая до сих пор не сумела запомнить ни ее имени, ни имени ее сестры. — Что вы имеете в виду? Мой опекун — дядя Финеас.

— Верена, довольно, — зашипел лорд Брокет.

— Я не позволю ей плохо отзываться о тебе, дорогой, — возразила тетя Верена. — Она должна знать, кто на самом деле отвечает за этот шаг. Хотя ваш дядя нес всю ответственность за ваше воспитание и заботился о тебе и Кэтрин...

— Кэтлин, — поправила ее Джорджи.

— О, да-да, Кэтлин, если тебе угодно. Но не забывай, мы с твоим дядей — ваши единственные дорогие родственники, и именно мы заботились о вашем благополучии после смерти ваших родителей, в то время как ваш официальный опекун, этот ужасный лорд Данверс, совершенно не интересовался вами, неблагодарные девочки, — произнесла леди Брокет, прежде чем муж успел заткнуть ей рот.

Дорогие родственники? Это несколько меняло дело.

Дядя Финеас и тетя Верена передали девочек на воспитание в Пензанс на третий день после похорон их родителей. И ни разу за все последующие одиннадцать лет не последовало ни одного посещения, ни единой

строчки, свидетельствующих о заботе их единственных родственников.

Нет, о детях по-настоящему заботились лишь миссис Тафт и ее муж-моряк капитан Тафт. Они относились к девочкам с участием и любовью, которыми не обременяли себя их кровные родственники.

Джорджи перевела взгляд с дяди на тетю, затем опять посмотрела на дядю:

— Это правда? Мой официальный опекун действительно этот лорд Данверс?

Дядя наморщил нос и свел брови.

— Да, — наконец признался он. — Ваш отец оставил все свои деньги лорду Данверсу и доверил ему опекунство над вами. Но не забывайте, что вся ответственность за расходы на ваше воспитание легла на мои плечи. Ваш опекун одобрил лишь какие-то незначительные суммы, а затем взвалил все на меня. — Он запыхтел, потом бросил салфетку на стол.

Черт побери, подумала Джорджи. Оказывается, не только дядя Финеас руководил всей ее жизнью, теперь всплыл какой-то незнакомый и определенно равнодушный опекун, отравляя ее жизнь. Неужели этим мужчинам нечем больше заняться?

— Тогда я требую встречи с лордом Данверсом, — заявила девушка. — Я выскажу ему то, что уже сказала вам. Я не выйду замуж за лорда Харриса.

— У лорда Данверса нет времени выслушивать жалобы эгоистичной девчонки. Все документы уже подписаны, и послезавтра объявление о свадьбе будет помещено в газетах.

— Уверена, что лорд Данверс не столь бессердечен, чтобы выдать меня замуж без моего согласия.

— Твоего согласия? Зачем оно ему? — Дядя Финеас покачал головой с тем же презрением, с каким выслушивал жалобы тети Верены по поводу того, что слуги тай-

ком пьют их лучший херес или что она не может найти модистку, которая предложила бы фасон идеальной для ее головы шляпки. — Советоваться с женщиной относительно ее замужества? Что за чушь!

Джорджи опять взглянула на массивный поднос, но сдержалась.

— Не думаю, ведь именно мне придется вынести все унижение медицинского осмотра, не говоря уже о том, что мне предстоит делить постель с человеком, который, по слухам, болен сифилисом.

— Сифилисом! — ахнула тетя Верена, словно говоря, что подобные слова доконают ее, и действительно чуть не упала в обморок. Ее голова склонилась в одну сторону, затем в другую, желтые завитки запрыгали, как нарциссы на весеннем ветру, а дыхание стало прерывистым. — Моя нюхательная соль! Мой флакончик!

Лорд Брокет похлопал жену по руке:

— Успокойся, старушка.

— Как вульгарно, — сумела выговорить тетя Верена. — И это за обедом.

— Теперь смотри, что ты наделала, гадкая девчонка, — сказал дядя Финеас, переводя взгляд на Джорджи. — Вижу, я напрасно тратил деньги на твоё воспитание. Если бы та ничтожная женщина не умерла, я потребовал бы назад всю сумму до последнего шиллинга. Ты ведешь себя как простолюдинка, а не как благовоспитанная молодая леди, которая вот-вот должна стать графиней. — Он поднял свой бокал и нахмурился, обнаружив, что тот пуст. — А теперь вон, дерзкая девчонка. Я хочу спокойно закончить обед. — Он потянулся за графином.

Джорджи наклонилась над столом и передвинула графин так, чтобы дядя не мог до него дотянуться. Она упрямо встретила его сердитый взгляд. Он мог что угодно говорить о миссис Тафт, которая определенно была

не лучшей кандидатурой, чтобы обучать девочек правилам хорошего тона. Но в данный момент Джорджи испытывала благодарность за то, что получила другие уроки от этой умудренной жизненным опытом женщины, например, как постоять за себя.

— Дядя, если вы не имеете отношения к этому предполагаемому браку, я обсужу его с лордом Данверсом. Пригласите его сюда. Хоть сегодня.

Дядя махнул рукой, выпроваживая ее из комнаты.

— Это невозможно. Этот человек занят собственными проблемами. Скорее всего, сейчас он уже покинул город. Сегодня утром его судили за предательство, по крайней мере так сообщается в «Тайме». — Он подвинул к ней лежавшую рядом с его тарелкой газету. — Считаю, тебе повезло, что я имею право высказаться по поводу этого дела, иначе неизвестно, с кем бы ты была сейчас помолвлена.

— Он — предатель? — Она взглянула на заголовок статьи, и ей стало ясно, что на этот раз дядя был честен с ней. Предательство. Ее опекуна осудили за предательство. Ей бросились в глаза другие слова из длинной и обстоятельной статьи: «бесчестный», «трусливый», «чудовищный».

О чем думал их отец, оставляя своих дочерей на попечение такого человека?

Впервые в жизни Джорджи поймала себя на том, что предпочла бы иметь опекуном своего дядю. И она должна была признать, что нуждается в его помощи. Отчаянно нуждается. Она даже была готова угождать ему, если потребуется, как только перед ее мысленным взором возникла картина дряхлого, дурно пахнущего старика, который возьмет ее в свою постель. Этого было достаточно, чтобы сдержаться.

— Дядя, ведь вы обещали мне лондонский светский сезон, — сказала она, подвинув к нему графин вина,

словно давая взятку. — Подарите мне его, так чтобы я по крайней мере могла попытаться найти более подходящую партию. Это всего лишь три месяца.

— Светский сезон? Тебе? — Дядя Финеас покачал головой: — Об этом не может быть и речи. Мы лишь выбросим на ветер кругленькую сумму. Возможно, это удастся твоей сестре, так как она получит неплохое состояние с помощью тети Верены. Но ты? Едва ли. — Он засмеялся, и его веселость пронзила ее сердце, хотя в его словах и была доля правды.

В двадцать один год она была уже несколько старовата для участия в ярмарке невест и прекрасно понимала, что не относилась к числу тех изысканных и образованных молодых леди, которых предпочитают мужчины из общества. Она была слишком высока, а ее фигура отличалась округлостью, так что ее нельзя было назвать изящной крошкой. К тому же слишком своевольная и прямолинейная, чтобы придерживаться в разговоре таких безопасных тем, как погода или любимое мороженое в кондитерской Гюнтера. При том, что ее излюбленными темами было итальянское искусство и новшества в навигации.

Однако почему бы не попытаться? Должен же найтись человек, который примет ее из рук дяди. Она отбросила остатки гордости и начала умолять его:

— И все же, дядя, вы не можете лишить меня возможности появиться в свете, если не ради меня, так из уважения к памяти моего отца.

Как только Джорджи произнесла эти слова, она поняла, что зашла слишком далеко, так как лицо дяди пошло пятнами того же красного цвета, что и вино в графине.

— К черту сезон! Я нашел тебе мужа с годовым доходом в двадцать тысяч фунтов, а ты ведешь себя как изнеженная и избалованная девица. И как ты смеешь обращаться к памяти отца, словно он был святым! Он